

А.А. Ткачев^a, Ал.Ал. Ткачев^b, Т.Н. Рафикова^a

^a ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^b Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: sever626@mail.ru;
al.al.tkachev@mail.ru;
tnrafikova@yandex.ru

САРОВСКИЙ КОМПЛЕКС С ОЗЕРА СИНГУЛЬ

Материалы поселения Роза Ветров VII позволяют охарактеризовать завершающую стадию раннего железного века лесостепного Притоболья. Изучены жилище, вещевой и керамический комплекс саровского облика. Коллекция отражает специфические признаки посуды — слабопрофилированные круглодонные емкости со скошенными внутрь венчиками и «карнизиками», украшенные монотонными орнаментальными композициями при полном отсутствии фигурных штампов. Формирование саровских комплексов происходило в результате инфильтрации таежного населения в лесостепь в III в. н.э. с территории Сургутского Приобья или Нижнего Прииртышья по основным водным артериям — рр. Иртышу, Тоболу, Исети, Туре. Саровское население приняло участие в генезисе бакальской культуры раннего средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья.

Ключевые слова: лесостепное Притоболье, ранний железный век, саровский этап кулайской культуры, жилище, вещевой инвентарь.

Введение

Переходный период от раннего железного века к средневековью на территории подтаежного и лесостепного Тоболо-Ишимья характеризуется резкой сменой культур. В отличие от северных районов, где наблюдаются последовательная смена типов памятников, плавное развитие материальной культуры в рамках единой историко-культурной общности, распад саргатской культуры в лесостепной зоне привел к полному изменению ситуации в регионе: на смену саргатской и кашинской культурам раннего железного века приходит ряд раннесредневековых культурных образований — батырская, юдинская (молчановский этап), бакальская, карымская, кушнарниковская. Большая часть из них выделены лишь типологически на основе керамических комплексов поселений. Погребальные объекты раннего средневековья региона единичны и представлены поликультурными могильниками. Все это порождает многочисленные дискуссии о генезисе, хронологической позиции, обоснованности выделения и дальнейшей судьбе носителей указанных культур.

В настоящее время большинство исследователей сходится во мнении, что в формировании раннесредневековых культур лесостепного и подтаежного Зауралья принимало участие и северное таежное население. В IV–VI вв. н.э. инфильтрация карымских групп на юг приняла уже значительные масштабы. Карымские материалы зафиксированы на многих памятниках региона — Козловском могильнике, поселениях СБАО, Малый Байрык-1, городищах Коловское, Усть-Терсюкское-1, Усть-Утякское, Большое Бакальское, Царево (Чинги-Тура), Борки-1, Ласточкино Гнездо-1. Меж тем выявленные и изученные в последние годы археологические объекты, содержащие саровские материалы, позволяют предполагать, что спорадические проникновения северного таежного населения в лесное Зауралье относятся к концу раннего железного века.

Впервые предметы с горы Кулайки, хронологическая позиция и возможная этническая принадлежность оставившего их населения рассмотрены в работе И. Мягкова [1927]. Название кулайской культуры в современном звучании в научную литературу ввел В.Н. Чернецов [1953а, с. 171]. Проблемы культурогенеза, хронологии, разработкой причин миграций носителей кулайской культуры занимались В.Н. Чернецов, М.П. Грязнов, В.А. Могильников, М.Ф. Косарев, Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина, Ю.П. Чемякин, Ю.В. Ширин и многие другие исследователи [Грязнов, 1956; Косарев, 1969; Могильников, 1995; Морозов, Чемякин, 2005; Троицкая, 1979; Чернецов, 1953а, с. 128–171; 1953b; Чемякин, 2002, 2008а, 2008b; Чиндина, 1984; Ширин, 2003]. Значительное число работ посвящено изучению семантики кулайского литья. Мы не будем подробно останавливаться на историографии кулайской культуры, так как это тема отдельного обширного исследования. Ограничимся лишь

кратким обзором истории изучения памятников саровского этапа кулайской культуры, так как к этому периоду относятся материалы поселения, рассматриваемые в работе.

Саровский этап кулайской культуры выделен Л.А. Чиндиной и датирован в рамках III/вв. до н.э. — IV/V вв. н.э. [1984, с. 11, 99, 106, 122]. Исследователем подробно охарактеризованы основные типы памятников, жилища, погребальный обряд, инвентарный и керамический комплексы кулайской культуры. Четко прописаны культурно-хронологические отличия, особенно явно выраженные в керамических комплексах васюганского и саровского этапов. Так, например, ярким культурно-хронологическим показателем саровской керамики является скошенный внутрь или горизонтально уплощенный венчик с нависающим карнизиком, основными элементами орнамента — волна, прочерченная или нанесенная штампом, двух- и трехчленный штамп, наклонные, вертикальные или горизонтальные гребенчатые мотивы, «уточка», «змейка», треугольники, скобы, прочерченные линии. Многорядное повторение одних и тех же элементов орнамента создает общее впечатление однообразности и монотонности декора [Там же, с. 88–91].

Как полагает Л.А. Чиндина, именно на саровском этапе происходит освоение населением кулайской культуры огромных территорий. На севере саровцы заселяют Нижнее Приобье до Обской губы и низовьев р. Таз, на юге доходят до верховьев Оби, на юго-востоке — до Чулымской лесостепи, на западе занимают правобережье Среднего и Нижнего Иртыша, на юго-западе — междуречье Оми и Тары. К саровским комплексам Л.А. Чиндина относит усть-полуйские, ярсалинские, фоминские, сперановские древности. Причинами миграций названы экологический, экономический и демографический кризисы [Там же, с. 156–175].

Мнение о расселении носителей кулайской культуры на обширной территории в результате миграций из одного ядра оспаривается рядом исследователей. Так, Ю.П. Чемякин пришел к выводу об автохтонном происхождении населения кулайской культуры на территории Среднего и, возможно, части или всего Нижнего Приобья. Он предполагает, что формирование локальных вариантов кулайской культуры произошло не в результате миграций, а на основе развития местных белоярско-васюганских древностей [Чемякин, 2002, с. 215–216]. Сургутский вариант кулайской культуры, по его мнению, образовался в результате смешения местного белоярского и пришлого калинкинского населения [Морозов, Чемякин, 2005, с. 225]. В кулайской культуре первоначально он выделял две стадии — раннюю и позднюю (саровскую) [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 40–44], в настоящее время — три стадии: раннюю, среднюю и позднюю [Морозов, Чемякин, 2005, с. 201–230]. Автохтонное происхождение кулайской культуры на основе васюганского типа признается им и для Нарымского Приобья, но в Томское, Новосибирское и Барнаульское Приобье кулайское население попадает в результате миграций [Чемякин, 2008а, с. 78–98].

В начале 90-х гг. XX в. коллектив свердловских археологов пересматривает разработанную В.Н. Чернецовым периодизацию памятников Нижнего Приобья. Для Сургутского Приобья было выделено шесть последовательно сменявших друг друга этапов — саровский (I в. до н.э. — III в. н.э.), карымский (III–IV — начало VI в.), зеленогорский (VI — начало VIII в.), кучиминский (VIII–IX вв.), кинтусовский (конец IX — середина XII в.), сайгатинский (середина XII — XVI в.) [Федорова и др., 1991]. В следующей работе А.П. Зыков и Н.В. Федорова предлагают рассматривать памятники таежной зоны Западной Сибири в рамках обь-иртышской культурно-исторической общности, выделяя в ней переходный период от бронзового к раннему железному веку (белоярско-васюганский этап, VII–III вв. до н. э.), железный век I (кулайский этап, III в. до н.э. — II в. н.э.) и железный век II (карымский, зеленогорский, кучиминский, кинтусовский, сайгатинский этапы, III–XVI вв. н.э.) [Зыков, Федорова, 1993, с. 65–66].

В.И. Молодин и В.С. Елагин обосновывают существование в Прииртышье и Барабе отдельного сперановского этапа (II–I вв. до н.э. — V–VI вв. н.э.) потчевашской культуры, сформировавшегося при взаимодействии пришлого саровского и местного новочекинского населения [Елагин, Молодин, 1991, с. 98–103]. Данная точка зрения не нашла поддержки у исследователей, сперановский и саровские этапы признаны тождественными [Конигов, 2007, с. 32]. Вместе с тем у В.А. Могильникова, Е.М. Данченко, Б.А. Коникова и др. не возникает сомнений в значительной роли саровского компонента в генезисе населения потчевашской культуры [Конигов, 2007, с. 247–253; Могильников и др., 1999, с. 126–127].

Н.В. Федорова и А.П. Зыков выделяют как минимум две волны миграции таежного населения в лесостепь Омского Прииртышья и Северной Барабы. Первая соотносится с саровским населением кулайской культуры и датируется концом II — III в. н.э. Вторая волна относится к средневековому времени и связывается с позднезеленогорским населением конца VI — начала

VIII в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 20–25]. Последний тезис породил острую, актуальную и сегодня дискуссию о правомерности выделения самостоятельной потчевашской культуры.

Т.Н. Троицкая указывала на несколько волн миграций кулайского населения на территорию Верхнего Приобья начиная с IV–III вв. до н.э. Здесь при взаимодействии мигрантов с большереченским населением формируется новосибирский вариант кулайской культуры [Троицкая, 1979, с. 48–53]. Д.Т. Яковлев вступает в дискуссию с Т.Н. Троицкой, ставя под сомнение существование второй миграционной волны в саровское время, так как саровский материал на территории Новосибирского Приобья отсутствует [Яковлев, 2018, с. 271–274]. Ю.В. Ширин также высказывается против точки зрения о тотальной миграции кулайского населения в Новосибирское Приобье на рубеже эр — в начале I тыс. н.э., полагая, что имела место «локальная инфильтрация мелких экзогамных групп» [2003, с. 170].

Таким образом, даже беглый обзор истории изучения саровского этапа кулайской культуры позволяет констатировать широкое распространение саровского населения на территории Среднего и Нижнего Приобья, Среднего Прииртышья и Барабинской низменности. Территория лесостепного Тоболо-Ишимья до настоящего момента не была включена в ареал саровских древностей. Вместе с тем в лесном Зауралье в последние годы выявлены и изучены памятники, содержащие саровскую керамику: городище Старый Погост (левобережье Иртыша) и поселение Айгинское VIII (левый берег р. Туры), Козловский могильник (Андреевские озера, правый берег р. Туры). Еще одним памятником, содержащим материалы саровского этапа кулайской культуры, которому и посвящена данная работа, является поселение Роза Ветров VII.

Объект исследования

Поселение Роза Ветров VII открыто в 2011 г. в процессе обследования берегов оз. Сингуль. Памятник расположен на территории Ялуторовского района Тюменской области в 65 км к юго-востоку от г. Тюмени и в 15 км к юго-западу от г. Ялуторовска, в 4,5 км к северу от летнего оздоровительного лагеря «Роза ветров» и в 1,1 км к югу от лагеря «Турист» (рис. 1, 1, 2). Береговая терраса восточного берега оз. Сингуль представляет собой цепочку возвышенностей высотой до 6 м от уровня воды, прорезанных узкими пологими логами. Берега озера покрыты смешанным сосново-березовым лесом. По верхнему срезу террасы параллельно берегу озера проходят линия электропередач и грунтовая дорога, обновляемая ежегодно скрепированием. В результате регулярных дорожных работ вершины береговых бугров срезаны на глубину до 0,6–1,2 м.

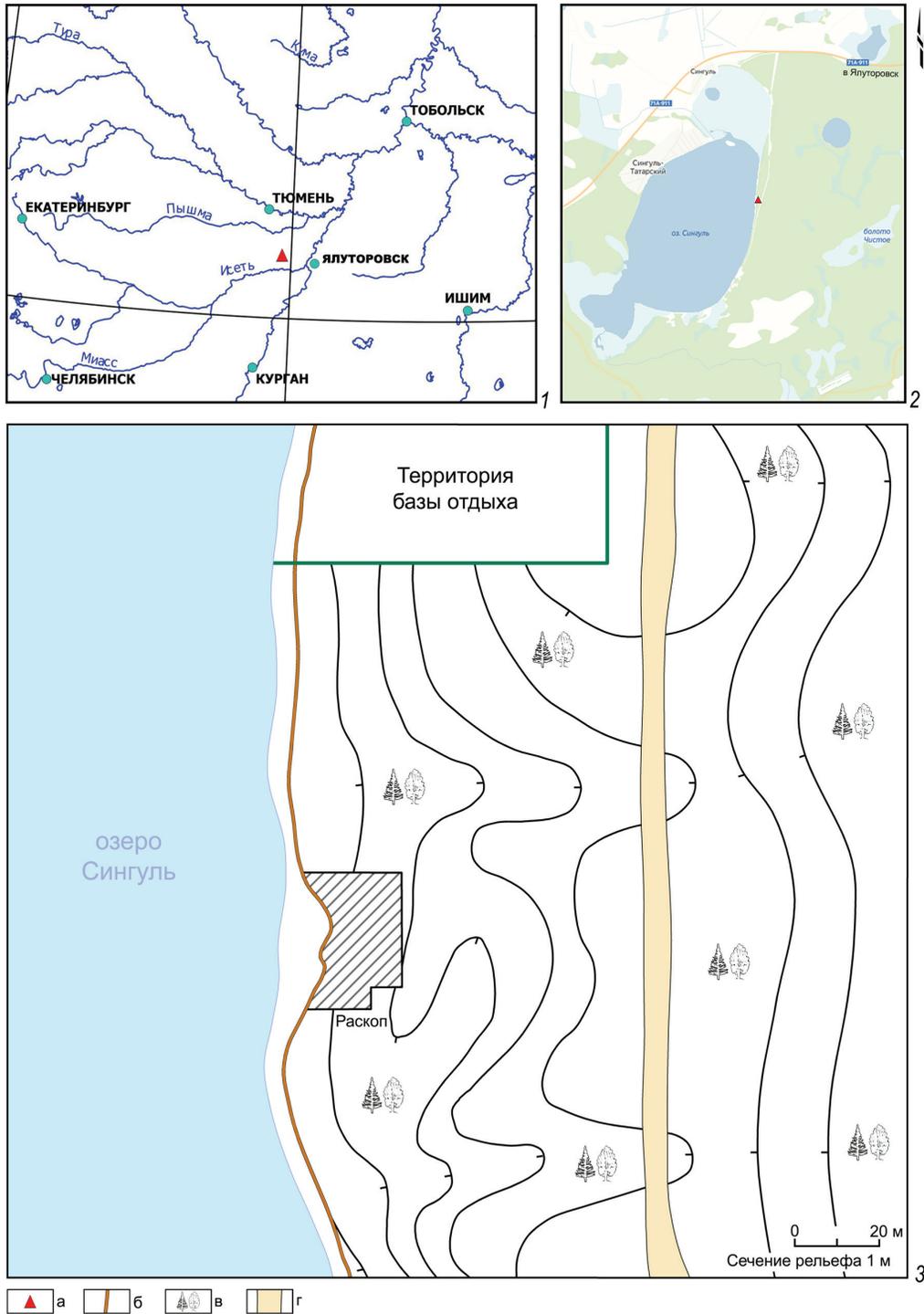
Жилая площадка памятника, занимающая пологий склон террасы, расположена на высоте 2 м от уровня воды в озере. Отдельные находки, собранные в береговых обвалах и на разрушенных участках современной дневной поверхности, позволяют предполагать, что площадь памятника не превышает 4–5 тыс. м². Наиболее значительно разрушается западная часть жилой площадки, так как в процессе весеннего таяния снега повышается уровень озера и паводковые воды интенсивно подмывают берег.

Прибрежная часть жилой площадки представляет собой относительно ровный участок между кромкой берегового обрыва и всхолмлением озерной террасы. За три полевых сезона (2012–2014 гг.) вскрыто 688 м² культурного слоя памятника. В пределах исследованного участка полностью или частично изучено семь построек, соотносимых с эпохой камня, палеометалла, раннего железного века и средневековья (рис. 2). Особый интерес представляет сооружение, содержащее материалы саровского типа и являющееся единственной жилой постройкой этого времени среди жилых конструкций, исследованных в пределах Сингульского археологического микрорайона.

Жилище 2 располагалось в южной части изученного участка в 1–2 м от кромки берегового обрыва. Можно предположить, что во время функционирования жилая конструкция находилась в 3–4 м от уреза воды. Постройка, располагавшаяся на пологом склоне береговой террасы, имела котлован удлинненно-овальной формы, ориентированный по сторонам света. Его длина по линии запад — восток 5,4 м, ширина по линии север — юг 4,1 м, площадь углубленной части помещения около 22 м². Глубина котлована от уровня современной дневной поверхности 0,3–0,4 м. Стенки постройки прорезали слой светло-серого песка и углублялись на отдельных участках в материковый грунт на 10–15 см. Северная, восточная и южная стенки крутые. Западная фиксировалась слабо, так как сооружение располагалось на склоне террасы, и выявлена в основном по отложению пола на уровне материка. Дно сооружения относительно ровное (рис. 3).

В северо-восточном углу котлована прослежен выход в виде короткого тамбура, ориентированного на северо-восток, длиной 1,3 м, шириной до 1 м. Пол выхода полого спускался ко дну постройки. Придонная часть внутреннего пространства сооружения была заполнена коричневой супесью. В

заполнении встречен единственный фрагмент керамики (рис. 4, 2), тогда как на полу выявлены развалы сосудов, пять из которых стояли вдоль западной стенки (рис. 4, 1, 3, 8–10), один — в центре помещения, близ выхода (рис. 4, 7). Каких-либо конструкций интерьера на полу помещения не обнаружено.

Рис. 1. Поселение Роза Ветров VII:

1, 2 — местоположение памятника; 3 — план местности;

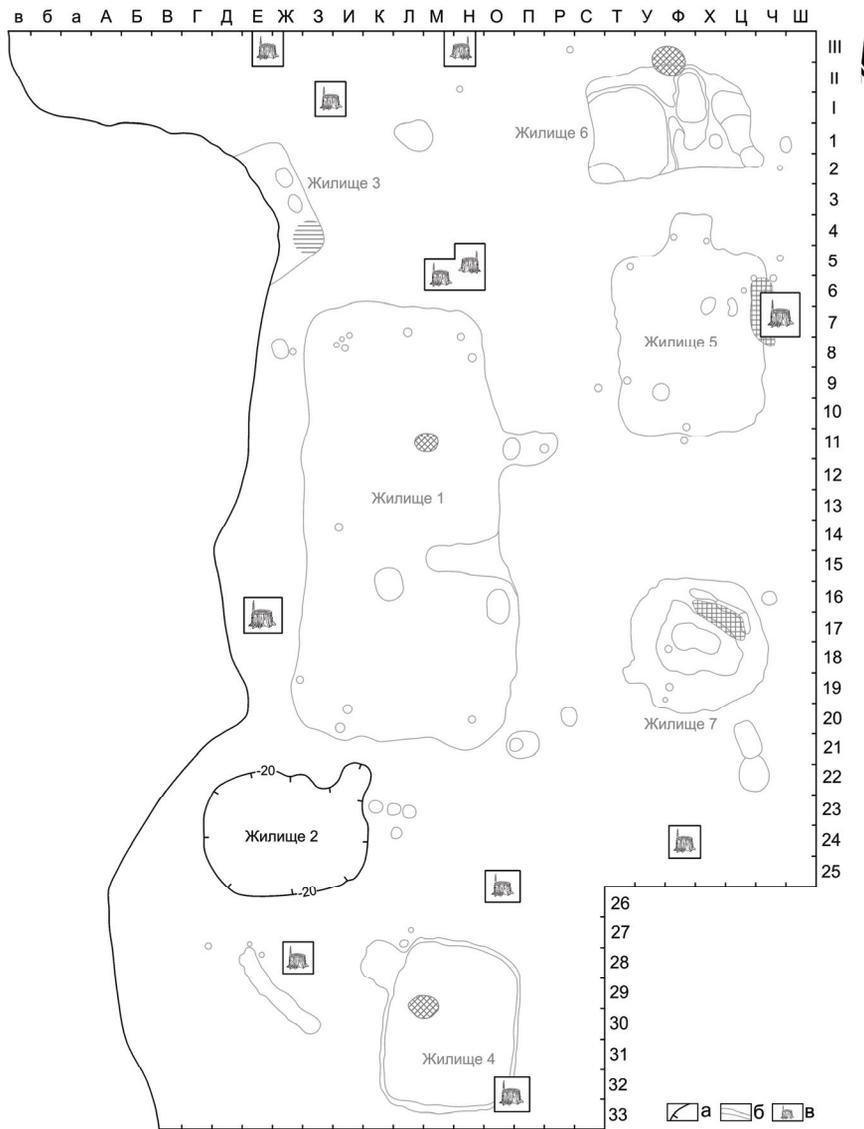
а — памятник; б — очертания берегового обрыва; в — смешанный лес; г — грунтовая дорога.

Fig. 1. Settlement of Roza Vetrov VII:

1, 2 — location of the monument; 2 — terrain plan;

а — monument; б — outline of the coastal cliff; в — mixed forest; г — dirt road.

Саровский комплекс с озера Сингуль

Рис. 2. Поселение Роза Ветров VII. План раскопа:

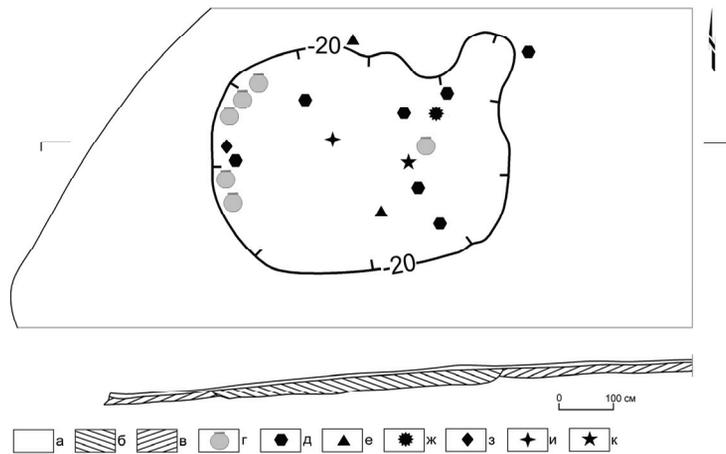
а — очертание саровского жилища; б — жилые и хозяйственные конструкции других культурных образований;
в — отдельно стоящие деревья.

Fig. 2. The settlement of Roza Vetrov VII. The plan of the excavation:

a — the outline of the Sarov dwelling; б — residential and economic structures of other cultural entities; в — free-standing trees.

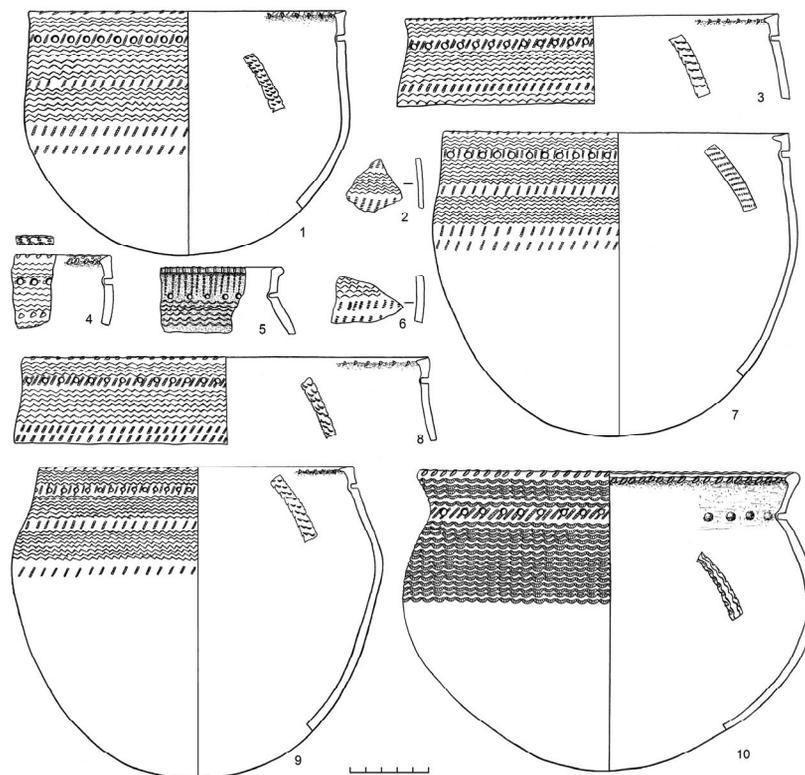
Керамический комплекс поселения Роза Ветров VII малочислен, зафиксировано восемь сосудов. Посуда изготовлена из глины с примесью песка и шамота, хорошего обжига. Толщина стенок 5–7 мм. Большая часть горшков слабопрофилированные, в двух случаях отмечена сильно отогнутая горловина. Венчик скошен внутрь, у семи сосудов имеются карнизки на внутренней части. Срез бортика украшен наклонными гребенчатыми линиями, оттисками лопаточки. Композиционные схемы однотипны. Все сосуды орнаментированы чередующимися рядами вертикальных или наклонных гребенчатых линий и несколькими рядами оттисков волны (чаще всего простой, в одном случае — рубчатой). Волна наносилась с помощью штампа, содержащего только один элемент.

Таким образом, несмотря на малочисленность керамики, отмечается ряд ярких признаков саровских комплексов — монотонность орнаментальной композиции, скошенные внутрь венчики с карнизиком, многократное повторение рядов волны. Особенностью выборки является полное отсутствие фигурных штампов.

Рис. 3. Поселение Роза Ветров VII. Распределение находок в жилище 2:
а — дерн; б — коричневая супесь; в — светло-серый песок; г — сосуд в развале; д — кусок гранита; е — фрагмент керамики; ж — каменный терочник; з — пест; и — точильный камень; к — обломок глиняной литейной формы.

Fig. 3. The settlement of Roza Vetrov VII. Distribution of finds in housing 2:
а — turf; б — brown sandy loam; в — light gray sand; г — vessel in the collapse; д — a piece of granite; е — a fragment of ceramics; ж — a stone rubber («terochnik»); з — pestle; и — a whetstone; к — a fragment of a clay mold.

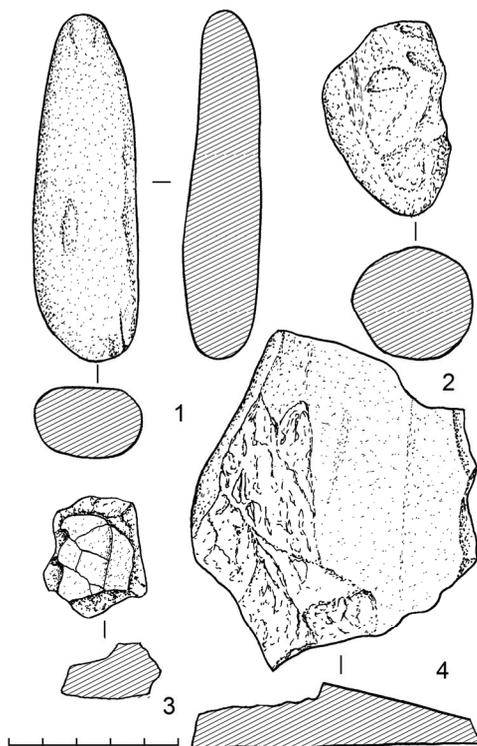
Рис. 4. Поселение Роза Ветров VII. Керамика из саровского жилища 2:
1-3, 7-10 — жилище 2; 4-6 — межжилищное пространство.

Fig. 4. The settlement of Roza Vetrov VII. Ceramics from the Sarov dwelling 2:
1-3, 7-10 — dwelling 2; 4-6 — interstitial space.

Вещевой инвентарь, обнаруженный в пределах жилого пространства, представлен десятью изделиями из камня и обломком предмета из глины. Пест из светло-серого песчаника с хорошо пришлифованной поверхностью имеет неправильно-удлиненную форму, уплощенно-овальное сечение, размер 10,1×3,1×2,2 см (рис. 5, 1). Терочник из светло-серого песчаника — с пришлифованной поверхностью, покрытой кавернами, неправильно-удлиненной формы, уплощенно-овального сече-

Саровский комплекс с озера Сингуль

ния, размером 5,6×3,5×3,2 см (рис. 5, 2). Точильный камень изготовлен на обломке крупной плитки светло-серого песчаника неправильной-прямоугольной формы, размером 9,5×7,9×1,9 см, одна сторона изделия, часть боковой грани и частично вторая сторона пришлифованы (рис. 5, 4). Куски серо-белого гранита (6 обломков обнаружено на полу котлована, один на предвходовой площадке) имеют аморфно-прямоугольную форму, размер 2,3–5,6×2,1–3,5×0,8–2,1 см. Прямоугольный обломок литейной формы размером 3,5×2,9×1,5 см изготовлен из глиняного теста с примесью шамота, на сохранившейся части изделия фиксируется отпечаток негатива для отливки предмета уплощенно-овальной формы толщиной до 5 мм, относящийся, возможно, к рукояти ножа (рис. 5, 3).

Рис. 5. Поселение Роза Ветров VII. Вещевой инвентарь из саровского жилища 2:
1 — каменный пест; 2 — каменный терочник; 3 — обломок глиняной литейной формы; 4 — точильный камень.
Fig. 5. The settlement of Roza Vetrov VII. Material stock from the dwelling 2:
1 — stone pestle; 2 — stone rubber («terochnik»); 3 — a fragment of a clay casting mold; 4 — a whetstone.

Овальные очертания котлована и отсутствие столбовых ямок на полу помещения позволяют соотнести исследованное жилище с сезонной постройкой наземного типа (поскольку углубленная часть помещения не превышала 0,2 м). Основой каркаса стен являлись жерди, опиравшиеся на края котлована и соединявшиеся над центральной частью помещения, они перекрывались сверху шкурами, берестой или древесной корой. Выход, располагавшийся в северо-восточной стенке помещения, скорее всего оформленный в виде разрыва в стенке, мог закрываться пологом из шкуры или ткани. Фиксируемые очертания выхода, вероятно, сформировались в песчаном грунте в процессе периодического входа-выхода из постройки.

Незначительное количество вещевого инвентаря саровского типа и единичность жилой конструкции в пределах площадки памятника свидетельствуют о кратковременном пребывании небольшого саровского коллектива на берегу оз. Сингуль. Возможно, появление постройки связано с попыткой северотаежных мигрантов адаптироваться к новым природно-климатическим условиям в процессе перемещения. Отсутствие отопительной конструкции и набор инвентаря, обнаруженный на полу сооружения, позволяют, с одной стороны, рассматривать исследованное жилище в качестве мастерской по ремонту необходимого рыбакам оборудования в теплое время года в период нереста рыбы, с другой — констатировать, что адаптивные возможности и рыбные запасы озера почему-то не устроили носителей саровских традиций и освоение природных богатств Присингуля не получило дальнейшего развития. Вполне возможно, что при-

чиной кратковременного пребывания саровского населения в регионе являлась беспокойная этнополитическая ситуация в рассматриваемый период времени, о чем неоднократно упоминалось многими авторами [Борзунов, 2002, с. 92–96; Зыков, Федорова, 2001, с. 22].

Обсуждение результатов

Обнаружение на территории лесного и подтаежного Зауралья памятников саровского этапа кулайской культуры свидетельствует, что инфильтрация в регион северного таежного населения относится к более раннему, чем принято считать, времени — к концу раннего железного века. Саровское население могло проникать с территории Сургутского Приобья или Нижнего Прииртышья по основным водным артериям региона — рр. Иртыш, Тобол, Тура, Исеть. Более масштабное, распространившееся и на южную часть лесостепных районов Зауралья, расселение северного населения происходило по тем же путепроводам в карымское время.

Данные о датировке саровских материалов на территории Зауралья скудны. А.В. Гордиенко, анализируя инвентарь поселения Айгинское VIII, датирует его III в. н.э. [2013]. Материалы Козловского могильника, где среди прочих встречены саровские древности, датируются III–VI вв. н.э. Распад саргатской общности, занимавшей всю территорию лесостепного Зауралья, по последним исследованиям, относится к концу II — началу III в. н.э. Это позволяет предположить, что первые проникновения саровского населения на данную территорию не могли начаться ранее III в. н.э. Вполне возможно, что в ближайшее время корпус источников по археологии лесного и подтаежного Зауралья пополнится новыми памятниками саровского типа.

Несомненно, саровское население приняло участие в генезисе раннесредневековых культур лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья. Можно констатировать, что сложение бакальской культуры, так же как и потчевашской в Прииртышье, происходило при участии одних и тех же компонентов — кашинского, саргатского, саровского, а затем карымского, но с разной долей их влияния.

В бакальскую культуру северное таежное население привнесло форму сосудов — приземистые горшки с относительно невысокой шейкой, преобладание скошенных внутрь венчиков в выборках, присутствие карнизика. Данные формы могли быть унаследованы как от саровского, так и от карымского населения, более точная идентификация невозможна в силу большой близости этих комплексов. Помимо керамического материала привлекает внимание появление в Тоболо-Ишимье бакальских городищ с бастионами (гор. Борки, Ласточкино Гнездо-1, Усть-Утякское-1). Как указывает В.А. Борзунов, бастионно-башенные конструкции были распространены в лесном и лесостепном Зауралье в начале раннего железного века у гамаюнского, иткульского, воробьевского, гороховского, баитовского и, реже, носилового и саргатского населения [2002, с. 79–81]. Памятники с бастионами, датированные рубежом эр — первыми веками I тыс., известны только на северных территориях. По всей видимости, именно носители кулайской культуры возрождают традицию возведения бастионно-башенных конструкций в регионе. Помимо таежного в сложении бакальской культуры приняло участие лесостепное саргатское население, свидетельством чего является преобладание резной техники орнаментации керамики.

Подводя итог, отмечаем, что первые спорадические проникновения северного населения в подтаежное и лесостепное Зауралье относятся к концу раннего железного века и могут быть связаны с носителями саровского этапа кулайской культуры. Инфильтрация саровцев не могла начаться ранее III в. н.э., так как до этого момента территория лесостепи была занята саргатцами населением. Носители саровских традиций стали одним из компонентов генезиса бакальского населения лесного и лесостепного Зауралья. В настоящее время почти все историко-культурные построения опираются на сопоставления керамических комплексов, анализ других компонентов культуры — погребального обряда, жилищ, вещевого инвентаря — затруднен из-за отсутствия данных и является, скорее всего, делом будущего.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Гордиенко А.В. Нижнее Притоболье в первой половине I тыс. н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 47–57.

Грязнов М.П. Верхнеобская культура // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956. № 48. С. 99–144.

Саровский комплекс с озера Сингуль

- Елагин В.С., Молодин В.И.* Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1993. С. 65–66.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Конигов Б.А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ: Наука, 2007. 466 с.
- Косарев М.Ф.* К вопросу о кулайской культуре // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 43–51.
- Могильников В.А.* О миграциях кулайского населения на юг // Известия лаборатории археологии. 1995. № 1. С. 76–86.
- Могильников В.А., Данченко Е.М., Горькавая О.Е.* Керамические комплексы эпохи раннего железа с городища Старый Погост // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность. 1999. Вып. 3. С. 120–143.
- Морозов В.М., Чемякин Ю.П.* Береговые кулайские городища на Барсовой Горе // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 201–230.
- Мяеков И.* Находка на горе Кулайке // Труды Томского краевого музея. Томск: Красное знамя, 1927. Т. 1. С. 65–69.
- Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чемякин Ю.П.* Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // ВАУ. 2002. Вып. 24. С. 214–245.
- Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008а. 224 с.
- Чемякин Ю.П.* Некоторые размышления по поводу кулайской общности и не только // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008b. С. 93–101.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.
- Чернецов В.Н.* Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953а. № 35. С. 121–178.
- Чернецов В.Н.* Усть-полуйское время в Приобье // Там же. 1953b. С. 221–241.
- Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
- Ширин Ю.В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Яковлев Д.Т.* К вопросу о формировании новосибирского варианта кулайской культуры // L Уралоповолжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Самара: СамГУ, 2018. С. 271–274.

A.A. Tkachev ^a, Al.Al. Tkachev ^b, T.N. Rafikova ^a

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^b University of Tyumen
Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: sever626@mail.ru;
al.al.tkachev@mail.ru;
tnrafikova@yandex.ru

The Sarov complex on the Singul Lake

The paper presents the results of the study of the Sarov complex in the Roza Vetrov VII settlement, located in the forest-steppe Tobol River Region (Western Siberia). The Sarov stage of the Kulayka Culture terminates the Early Iron Age and dates to the 1st c. BC — 3rd c. AD. The dwelling represented by a hut-like superstructure used by fishermen during the spawning period of the warm season is described. Also characterised are the tools including pestle, grindstone, and a fragment of the casting form. The pottery complex reflects all specific features of the Sarov stage ware — the monotony of the ornamental composition, which consists of multiple repetition of rows of the combed stamp and waves, downswept rims. The characteristic of the sample is the complete absence of figured stamps in the ornamentation. The time of migration of the northern taiga population into the sub-taiga and forest-steppe zones of Western Siberia is based on the chronological position of the Sarov sites and specifics of the historical and cultural situation in the present region in the end of the Early Iron Age. The Sargatka Culture, which was spread in the territory of the forest-steppe Trans-Urals, existed until the end of the 2nd — early 3rd c. AD. The Sarov complex of the Ayga VIII settlement is attributed to the 3rd c. AD; the burials of the multicultural Kozlov burial ground, where the Sarov pottery has been found, are dated to the 3rd–6th c. AD. The spread of the Sarov population occurred from the Surgut area of the Ob River Region or the Lower Irtysh River Region along the main water arteries — the rivers of Irtysh, Tobol, Tura, Iset — from the 3rd c. AD. The Sarov materials of the Roza Vetrov VII settlement could be dated to the same time. The Sarov population took part in the genesis of the early medieval cultures of the forest-steppe and the sub-taiga Trans-Urals. Bakal Culture inherited from the bearers of the Sargatka Culture the pottery ornamentation technique, while from the population of the Sarov and Kar-

ym Cultures — the shape of vessels with a whisk and cornice sloping inside. The influence of the northern taiga population can also explain the spread of fortifications with bastions in Tobolo-Ishim Region.

Key words: forest-steppe Tobol River Region, Early Iron Age, Sarov stage of Kulayka Culture, dwelling, material stock.

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

- Borzunov V.A. (2002). Ancient towns with bastion-tower fortifications in the Early Iron Age in the forest Trans-Urals. *Rossiiskaia arkheologiya*, (3), 79–97. (Rus.).
- Chemyakin Yu.P. (2002). Bronze plastic art from the Early Iron Age of Barsova Gora. *Voprosy arkheologii Urala*, (24), 214–245. (Rus.).
- Chemyakin Yu.P. (2008a). *Barsova Gora: Essays of archaeology of Surgut Ob region*. Surgut; Omsk: Omskiy dom pečati. (Rus.).
- Chemyakin Yu.P. (2008b). Some reflections about Kulayka community and not only. In: *VII Istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova* (pp. 93–101). Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Chemyakin Yu. P., Karacharov K.G. (2002). Ancient history of the Surgut Ob region. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov* (pp. 7–74). Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1953a). Bronze of the Ust-Poluy time. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (35), 121–178. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1953b). Ust-Poluy period in Ob region. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (35), 221–241. (Rus.).
- Chindina L.A. (1984). *The ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Fedorova N.V., Zykov A.P., Morozov V.M., Terekhova L.M. (1991). Surgut Ob region during the Middle Ages. *Voprosy arkheologii Urala*, (20), 126–145. (Rus.).
- Gordienko A.V. (2013). Low Tobol Basin in first half of I millennium A.D. (according to the materials of excavation the Ajga VIII settlement). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (20), 47–57. (Rus.).
- Griaznov M.P. (1956). The Verkhnyaya Ob culture. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (48), 99–144. (Rus.).
- Elagin V.S., Molodin V.I. (1991). *Baraba in the beginning of the I millennium A.D.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Konikov B.A. (2007). *Omsk Irtysh Region in the Early and Developed Middle Ages*. Omsk: Nauka. (Rus.).
- Kosarev M.F. (1969). On the issue of Kulayka culture. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (119), 43–51. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1995). About migration of the Kulayka population to the south. *Izvestiia laboratorii arkheologii*, (1), 76–86. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A., Danchenko E.M., Gor'kavaia O.E. (1999). Ceramic complexes of the Early Iron Age from the settlement Staryi Pogost. *Gumanitarnoe znanie. Seriya Preemstvennost'*, (3), 120–143. (Rus.).
- Morozov V.M., Chemyakin Yu.P. (2005). Coastal Kulayka settlements of Barsova Gora. In: *Arkheologiya Urala i Zapadnoi Sibiri* (pp. 201–230). Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Miagkov I. (1927). Discovery on mount Kulayka. In: *Trudy Tomskogo kraevogo muzeia* (pp. 65–69). Tomsk: Krasnoe znamia. (Rus.).
- Troitskaia T.N. (1979). *The Kulayka culture in the Ob River basin in Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Shirin Yu.V. (2003). *Upper Ob region and the foothills of Kuznetsk Alatau at the beginning of I millennium AD: (Funerary sites of Fominskoe culture)*. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost'. (Rus.).
- Yakovlev D.T. (2018). On the formation of the Novosibirsk version of the Kulayka culture. In: *L Uralo-povolzhskaia arkheologicheskaia konferentsiia studentov i molodykh uchenykh* (pp. 271–274). Samara: Samarskii universitet. (Rus.).
- Zykov A.P., Fedorova N.V. (1993). Ob-Irtysh cultural-and-historical community of the Iron Age. In: *Arheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti Bol'shogo Urala* (pp. 65–66). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Instituta istorii i arkheologii Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Zykov A.P., Fedorova N.V. (2001). *Kholmogorsky hoard: Collection of antiquities III–IV centuries*. Yekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

Ткачев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

Ткачев Ал.Ал., <https://orcid.org/0000-0001-8797-0648>

Рафикова Т.Н., <https://orcid.org/0000-0002-6939-1180>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020